

ТЕНИ В ДЕТЦЕРЕ

ЕКАТЕРИНА СОЛОВЬЕВА

Екатерина Соловьева

Тени в пещере

«Автор»

2022

Соловьева Е.

Тени в пещере / Е. Соловьева — «Автор», 2022

Перед вами дебютный сборник стихов поэтессы Екатерины Соловьевой, известной многим под псевдонимом Сая. В этой книге нашлось место и юным стихам, и более зрелой поэзии, а темы варьируются от любовной и пейзажной лирики до философских изысканий на тему извечных вопросов: кто я, для чего существую и что есть Истина? Пытаясь найти ответы вместе с читателем, поэтесса проводит его через пять глав-арок, каждая из которых содержит некий ключ, подсказку, и, лишь разгадав одну головоломку, можно двигаться к следующей. Кто такие "скованные" и "Мессия"? Какой "разрыв" необходим, чтобы узники обрели свободу, и почему одна из главных идей Платона завораживает и одновременно ужасает? Драгоценные камни Истины всегда скрываются в самой беспросветной бездне. Это путешествие – для тех, кто готов прикоснуться к ней.

© Соловьева Е., 2022

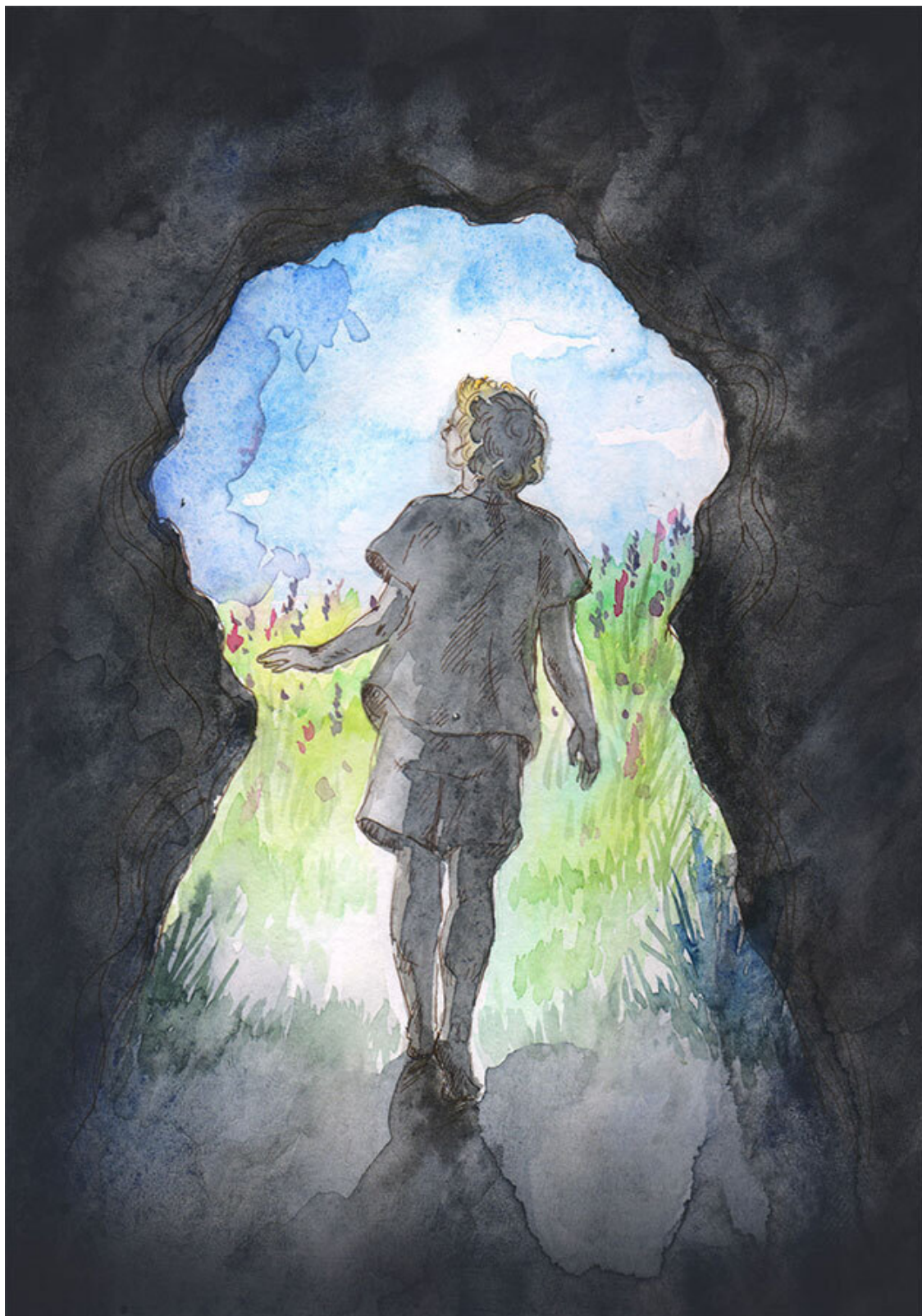
© Автор, 2022

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Скованные	9
Видимость	9
Зверинец	11
Ярмо	13
Сторис	14
Смешанные отходы	15
Труха	16
Наркотик	18
Гамлет	19
Монолог	21
Пыль галактик	23
Дом	24
872	26
Поезда	27
Пандора	28
Глава 2. Тени	30
Нищие	30
Весна	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Екатерина Соловьева

Тени в пещере

Предисловие

Эта книга стоила автору многих лет и переживаний – знающие люди подтвердят. Большинство моих ровесников из поэтической среды уже имеют на руках сборников по десять, а то и больше. Но у меня вышло иначе. Я часто спрашивала себя: если стихи – самое важное дело в моей жизни, почему же я постоянно откладываю эту работу, какие незримые враги стоят передо мной? А их, как оказалось, всего два: прокрастинация и перфекционизм.

К счастью, определенные люди и обстоятельства напомнили мне о том, как коротка и хрупка жизнь, и я поняла, насколько действительно для меня важна эта книга. И только полностью освободившись от желания сделать ее безукоризненной, я смогла наконец поставить точку. Сейчас я могу честно признаться и себе, и вам: сборник, который вы держите в руках, я написала *для себя*. И поэтому не все рифмы здесь отточены, не все смыслы прозрачны, а некоторые стихи и вовсе не знаешь, к какой категории отнести – они то ли невыносимо, до исступления наивные, то ли откровенно дрянные. Но решать не мне.

В любом случае сейчас, после внесения финальных правок, готова признаться со всей ответственностью: я не изменила бы здесь ни строчки, ни буквы. Потому что каждое стихотворение – это Я.

Несколько лет назад друзья сделали мне необыкновенный подарок – десять экземпляров моего авторского сборника стихов. Поэтому технически это не первый раз, когда я публикуюсь. Но согласитесь: все-таки собрать книгу самому, буквально «сшить» ее из сотен стихотворений, разбросанных по смятым листам в тумбочке и полузабытым файлам на старом компьютере – это совсем другое. Это – твое собственное детище.

Хотела бы пожелать каждому, до кого дойдут эти строки, не повторять моих ошибок. Не откладывайте на потом то, что действительно важно. Если чувствуете, что вас тянет что-то сказать, что-то сделать, что-то отдать, пусть даже вы сомневаетесь в своих силах и боитесь, что ваших усилий не оценят, – прошу вас, дерзайте!

Не нужно быть смелее всех – достаточно быть смелее себя вчерашнего.

Нет смысла доказывать, что каждый человек на Земле – уникален. Но я убеждена также и в том, что абсолютно каждый человек способен создавать нечто неповторимое и удивительное. Кто знает, возможно, это и есть единственное подвластное нам чудо. Как бы то ни было, я стараюсь тянуться к людям решительным, деятельным, борюсь с фатализмом и желанием искать во всем тайные отметины Судьбы. Я не верю в предназначение и смысл жизни. Но я верю в то, что завтра смогу сделать еще один шаг вперед.

Напоследок хочу все же вернуться к книге и сделать несколько пояснений касательно общей концепции, прежде всего – названия. «Тени в пещере» – не просто красивый образ. Это отсылка к известной аллегории, которую древнегреческий философ Платон использовал для объяснения своего учения об идеях. Впервые миф о пещере встречается в труде под названием «Государство», где Платон рассуждает о возможности создания идеального государства будущего. Произведение имеет форму диалога между Сократом и братом Платона Главконом. С помощью образа пещеры и находящихся в ней людей Платон пытается донести до читателя свое видение реальности.

Согласно его философии, материальный мир вокруг нас можно уподобить пещере, вдоль которой «тянется широкий просвет». В пещере живут «узники», закованные в кандалы таким образом, что они не могут пошевелиться и видят только то, что у них прямо перед глазами. «Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная, представь, невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол», – пишет Платон.

С помощью метафоры философ наглядно показывает наше сходство с сидящими во тьме невольниками. Мы точно так же воспринимаем как реальность лишь то, что нам дано воспринять. И все, что мы видим, слышим и осязаем, чему даем имена, вполне вероятно, есть лишь бледные тени реальных вещей, которые нам недоступны. Если же свет Истины откроется нам, мы тут же ослепнем подобно кротам, которые никогда не видели Солнца. По смыслу миф о пещере во многом схож с притчей о слепых и слоне, популярной в индуистской и буддийской культурах.

Сейчас уже сложно сказать, когда и при каких обстоятельствах я впервые узнала об этой идее Платона, но впечатление она произвела неизгладимое. И отчасти я тешила свое самолюбие тем, что одна из важнейших аллегорий величайшего философа древности хоть немного перекликается с моими собственными попытками понять природу жизни. Все мы, как ни крути, надеемся в этом преуспеть и упрямо, изо дня в день, пробираемся сквозь паутину реальности, которую сами же и соткали. И всякий раз, когда кажется, что вот-вот, еще немного, и пазл соберется, ты вновь спотыкаешься и с разбегу ныряешь в слепое пятно. И остаешься блуждать в неизвестности. Снова, и снова, и снова.

Но такова пытливая людская природа. Любопытство движет человеком не меньше, чем жажда жизни, а пытаться познать природу вещей – самая здоровая и естественная в мире потребность. Каждый сам выбирает для себя как способ познания, так и форму выражения Истины. И в этом деле, как и в прогулках по темной пещере, без проводника не обойтись. Для меня таким проводником стала поэзия.

Иногда в одной строфе я могу выразить то, что не уместится в десятке объемных постов, которые (я заранее знаю) выйдут блеклыми, сухими и безжизненным, а эта строфа – о, она будет жить, она будет пульсировать ярче первой звезды, будет манить, как самая сочная спелая ягода! И так же с чужими работами: бывает, прочтешь труд именитого писателя на добрую тысячу страниц и чувствуешь, что ничем тебя эти страницы не наполнили, а бывает – проглотишь залпом несколько рифмованных (впрочем, даже не обязательно) строк и буквально проваливаешься в душу их автора.

И здесь очень важно, чтобы читатель и автор сыграли как единое целое: каждый должен сделать свой шаг навстречу. Этот принцип действует и в живописи, и в музыке, и в театре, ведь любое искусство предполагает наличие как творца, так и адресата.

В поэзии я абсолютный любитель и профессионалом, надеюсь, никогда не стану – уж очень тяжелые у них судьбы. Но поговорить с вами при помощи стихов – удовольствие слишком манящее, чтобы от него отказываться. Это перебрасывание смыслами похоже на игру в мяч: я кидаю, вы – отбиваете. Загвоздка лишь в том, что такими мячами заполнено все пространство между нами, а на глазах игроков – повязки. Поэтому мы никогда не узнаем, удалось ли нам обменяться нашими смыслами. Но игра от этого не перестанет быть увлекательной: каждая из сторон в любом случае что-то отдаст и что-то получит. И симбиоз этот прекрасен, а главное – первозданен. Ведь...

В начале было Слово.

P. S. Хочу выразить искреннюю благодарность моим замечательным друзьям и коллегам по творчеству Татьяне Хохловой и Наталии Пресниковой, которые когда-то подарили мне мой первый тираж и дали очень важный «пинок» для начала работы над этой книгой. Также хочу поблагодарить прекрасную художницу Марию Николаеву, которая оживила мои стихи своими волшебными иллюстрациями. Отдельная благодарность – моей дорогой подруге и сестре Настеньке Хацевой, которая всегда верила в меня сильнее, чем я сама на это способна. И, конечно, любимой маме, которая всегда оставалась моим самым строгим и непредвзятым критиком, а однажды ненароком перепутала мои сочинения со стихами Цветаевой и Ахматовой, сделав мне тем самым наивысший комплимент из возможных.

Наконец, благодарю тебя, мой Ваня Гончаров, милый Ванечка, за удивительные чуткость, тепло, участие и любовь, которыми ты окружил меня. Они придавали мне сил в самые тяжелые времена. Они заставили мою Музу обернуться.

Спасибо каждому, кто поддержал и продолжает меня поддерживать. Без вас ничего бы не получилось.

Глава 1. Скованные

Видимость

Вчера я видел, как из клюва
Кукушки выпало яйцо
И как чумазый дворник плюнул
На подметенное крыльцо.

Я видел трутней возле улья,
Лениво липнувших на мед,
Пропойц, глумящихся огульно
Над бременем чужих забот.

Я видел много рук без дела
И глаз, бегущих от стыда,
И взгляд пустой, оторопелый,
В бутылку загнанный. Когда

Я видел что-нибудь другое,
С налетом смысла и добра,
Ему не прочили покоя —
Пинками гнали со двора.

И кулачки свои сжимая,
Мой мальчик внутренний кипел
И полыхал, не понимая,
А понимая, холодел.

И перед ним в церковном звоне
Вся жизнь прожитая плыла,
Что дама в черном балахоне:
Страшнее смерти жизнь была.

Священник завывал молитву,
Курился терпкий фимиам.
Мы с малых лет до панихиды,
Как псы, прикованы к скамьям.

Мы все – рабы своей свободы,
Цари песчаных королевств,
И после нашего ухода
Их время с аппетитом съест.

И мальчик мой стоял, потупясь,
И в грудь мне кулачком стучал,

А жизнь шептала: «Глупость, глупость»,
И в церкви колокол стонал.

А я стоял на перекрестке,
Совсем не чувствуя вину
За то, что всех дорог отrostки
В итоге сходятся в одну

Петлю навязчивой восьмерки,
С орбит которой мы летим,
Как мальчуган со скользкой горки,
И перед нами – мрак один.

Зверинец

Маршруты спутаны,
Тьма – к заутрене.
Скелеты куцые
В шубы кутают
Свою беспомощность,
Это полбеда.
А до конца пройдешь —
Будет полная.

Наяды в погребе,
К бочкам очередь.
Вода под кожей —
Почти как в озере.
Зеро замкнулось.
Зверинец огненный
Разинул пасть:
Улыбнулись сто голов.

Я слов не понял их,
Только смутное
Про *vita brevis*¹
И *homo lupus est*².
Крест в зубы сунут —
Не поперхнуться бы.
Маршрут построен.
Вперед, безумные:

По перепутьям,
Где тени грубые,
На скалы острые,
К монстрам в кости.
«Меня не трогайте!» —
Рвется возглас,
Но крик – без голоса.
Вот и кончилось.

«Позвал на помощь?
Орал позвонче бы».
По-волчьи скалится
Хищный полувраг.
А как отстанет, шмыгнет, ссутулится,
Так всякий сразу – владыка улиц,

¹ Жизнь коротка (лат.).

² Человек – волк (лат.).

Улисс заправский,
Великий царь бродяг!

Но звери чуют:
Мы просто падаль.
Они узнали,
Когда мы падали.

Пока смеркается,
Ищем в мареве
Ошметки преданных нам
Итак³.

³ Итака – остров в Ионическом море; по преданию, родина царя Одиссея.

Ярмо

Ярмо ненавистой, пустой работы
Ты тащишь, как маленькая лошадка.
Поди, и в дороге домой не сладко?
Ведь в собственном доме не знают, кто ты.

Ярмо нелюбви, что зовешь любовью:
Вот так – попритерлось да привязалось.
Надежда на счастье не оправдалась,
Его добывают не потом с кровью.

За счастьем не лезут на дно и в горы,
Не ищут среди мертвых на поле боя,
Оно не идет в кандалах с конвоем
К тому, кто бросает ему с укором:

«Где было ты, глупое? Где ты шлялось?
Я ждал сотню лет и теперь достоин!»
О, нет, милый друг, мир иначе скроен,
И тяготы не обеспечат радость.

Ярмо давит яростно в глубь артерий,
Свой горб есть у каждого за плечами.
Но если тюремщик гремит ключами,
Будь счастлив хотя бы наличью двери!

Пусть эти, согбенные, брызжут ядом,
Пусть лгут на коленях Христу и Раме.
Брыкайся, лошадка! Вино – в стакане,
А значит, и истина —
Где-то рядом.

Сторис

Выход/вход, ввод/вывод. Неутешителен
Прогноз: прочит мне в цифровой обители
Сдохнуть от передоза новостями, политиками
И похотью, которая всегда найдет зрителя.
Лишь телом пребывая в квартир пыли,
Я начинаю забывать, как выглядит мир,
Те, кого я любил, боготворил, превозносил —
Они вроде бы были, но статусы их смели.
В личке мусор, чищу сообщения,
Вдруг – твое фото. Ностальгический тремор.
Помнишь вечер, когда пьяными вызывали Uber?
А, сука, ты уже полгода как умер.
Возможно, твой разум еще где-то в облаке.
Главное, помнишь, сохраниться вовремя,
В 140 символов уложиться калачиком.
Не уложился – помалкивай, неудачник.
Ну-ка, пока грузится очередная серия,
Вспомни Евангелие от Цукерберга и Гейтса:
Не спамь, не пиратствуй, диск С сканируй весь
И упаси тебя боже забыть про обновления!
Ослушаешься – после смерти попадешь в Даркнет.
Там своя атмосфера, но втянешься – нет сомнений.
А в офлайне так и так будут ржать до иступления:
«Сдох, делая селфи в бассейне! Гребанный гений».
Гамал в «Ассасина» – проводку закоротило,
Прошел левел – не заметил, как сгорела твоя квартира.
Весело было: репостнул картинку. Силой
Выволокли, в СИЗО зубы выбили, кони двинул.
Классный расклад. Без обид: я в сторис это запостил,
Популярный канал много дал за твои милые кости.
«Се ля ви! – ты сказал бы мне. – Сфотай на память в бложик.
Не надо кислых рож.
Что мертво, умереть не может».

Смешанные отходы

Мы делим себя, сортируем, складываем заботливо.
Здесь – сливки общества, тут – трудяги, там – безработные.
Красивые, словно боги, и средненькие, на любителя,
Главное – не перепутать, нужно быть осмотрительным.

А тех, кто против дележки, от системы отрекшихся —
Сразу в переработку, чтоб нигде не залеживались.
Ну а если и так не выйдет перерождение —
Цинковый гроб, земля, колючее ограждение.

За стагнацию сердца и совершенство тела!
Нашей мысли нет равных, а дерзости нет предела.
Мы искали Бога в себе, но он там осиротел.
Он не смог бы помочь нам, даже если бы захотел.

И тогда мы решили, что мы из другого теста.
Цифровое детство, коллекция первых мест:
Мы – гордость Вселенной и матери вечный крест.
Когда-нибудь Господу все это надоест, и

Он притащит контейнер, здоровый такой, из рая,
Сгребет нас в охапку и выбросит, не разбирая.
И окажется вдруг, что все мы одной природы:
Беспородные, грязные, грешные,
Смешанные отходы.

Труха

Слепые на солнце,
зрячие в темноте.
Протянешь мне руку —
обнимешь
мою
тень.
Спроси меня, где я,
и я скажу:
нигде.
Записывай адрес
и приезжай
скорей.

Кого я любила,
тех уже больше
нет,
хотя они дышат
и разевают
рты.
Я к каждому, встретив,
прикладываю
портрет:
ищу совпадения —
и ни одной
черты.

А те, кто остался
в лучшей своей
поре,
бесстрастно взирают
через прозрачный
лед.
Я все понимаю,
но предпочитаю
смерть,
пока мирозданье
меняется и
течет.

Хотелось оставить
хоть что-нибудь
от себя.
Для этого,
как ни смешно,
надо стать

трухой,
чтоб кто-то потом
эту горсточку
бытия
развесьял над миром
вместе
с былым
тобой.

Наркотик

Мы входим в игру из массовки,
Как карты в руках у крупье.
Любить – это значит винтовку
Приставить к своей голове.

Любить – это вкалывать дозу,
Пока не закатишь глаза.
«Гляди, это жизнь без наркоза», —
Крупье, улыбаясь, сказал.

Любить – значит все, во что верил,
Предать, растоптать и поджечь.
Отречься, и сделаться зверем,
И ревностно клад свой стеречь.

Владеющий жизни искусством,
Ты понял все наверняка,
Лишь раз испытал это чувство —
Холодный металл у виска.

Ты счастлив и парализован,
А я отмеряю твой срок.
Движением губ или словом —
Кто первый нажмет на курок?

Кто жалобно выстрелит в воздух,
Признав поражение в игре?
Я слышу финальную поступь,
Патрон заряжает крупье.

И все это круговоротом,
Без умысла и без конца.
Любовь – это рай несвободы
В иконах чужого лица.

ВНИЗ...

Монолог

Открыв глаза, пытайся в темноте
Решить неразрешимую задачу:
Кто эти все, и что все это значит,
И как ты здесь, и, если здесь – то где?

И что тебе сказали там за слово,
Когда ты, упираясь, лез на свет,
Чтоб вскоре в темноту влюбиться снова
И, умирая, думать: «Смерти нет»?

Открыв глаза, придумай оправданье
Сегодняшнему дню, на миг забыв,
Что связанные крепким обещаньем
На деле спят не крепче остальных,

Что все сгорит, и рукопись – вначале,
А руки милой станут холодны,
И доведут до ядерной войны
Ведомые, которым обещали,

Что им за все воздастся там, в раю,
Куда внесут сияющее знамя,
И лягут рядом павшие в бою,
Влюбленные с оленьими глазами

И ты, такой уставший от всего,
Как престарелый тлеющий Везувий.
Глядишь в Ничто и просишь Никого:
«Пожалуйста, не будь так предсказуем!

Дай новизны, дай чувства, дай свобод
И разомкни бездарный круг подобий!»
Но пустота не внемлет, и с надгробий
Глядит в тебя безжалостный исход.

ПЫЛЬ ГАЛАКТИК

Куда спешить? Все поезда успели
В конечный пункт. Нас некому везти.
Я закурила прямо на постели.
Как соберешься, так и приходи.

Куда спешить! Иди ко мне с закатом.
Как раз в квартире отключили свет.
Любовь при свете как-то пошловата,
В особенности, если ее нет.

Куда спешить. Все звезды догорели,
Седой дымок поднялся от свечей.
Ты не скучаешь по соседской дрели?
Мне не хватает ноющих детей.

Куда спешить... Мы населяем Землю,
Как на страницах Брэдбери, мой друг:
Лишь ты да я. Сидим, друг другу внемлем,
И пыль галактик вертится вокруг.

Дом

И уютнее здесь, и светлей —
В новом доме всегда по-другому.
И родители новых детей
Зазывают обедать с балкона.

Так похож этот маленький двор
На другой, где сломались качели,
Из газет разводили костер,
Из песка – до небес цитадели.

Но прищуришься: нет, уж не тот.
Милый образ – давнишняя сказка.
Здесь повсюду свежайший ремонт
И на лавочках новая краска.

Правда, очень хороший район,
До метро добираться приятней,
Блеск витрин заполняет проем
Там, где раньше была голубятня.

В старом доме я крепко спала —
Ни один не разбудит будильник,
Но с постели бежала стремглав
Под веселое хлопанье крыльев.

Я давала им всем имена,
Я таскала им крошки в кармане,
Из буфета – тайком семена,
А потом что-то мямлила маме.

И дышалось как будто вольней
Там, в закатную пору на крыше.
Я пускала из рук голубей
Прямо в небо и даже чуть выше!

Но однажды закрыли чердак
И собрали весь дом в чемоданы.
Я не знаю, что было не так —
Люди часто ведут себя странно.

Люди часто и громко кричат,
Хлопнув дверью, уходят куда-то.
Разве был не прекрасен закат?
Или голуби в чем виноваты?

Что ж, ну вот тебе новая дверь —
В перемены так страстно ты верил.
Я надеюсь, ты счастлив теперь,
Отделяющий зерна от плевел.

872

Ты – город мертвых и живых.
Ты – горстки выжженной земли.
Тела в сугробах и в пыли.
Один паек на четверых.

Ты – эшелон, идущий вспять.
Снаряд и кровь на козырьке.
Ты – в белой маминой руке
Заветные сто двадцать пять⁴.

Ты – снег на выбитом стекле.
Ты – Невский в рывинах от бомб.
Ты – город-мор, ты – город-гроб.
Ты – вой сирен в тревожной мгле.

Ты – плач и первые слова.
Ты – промокашка и тетрадь.
Ты – нежеланье умирать
В те восемьсот семьдесят два⁵.

Ты – ветер ладожский в лицо.
Ты – тонкий лед и визг колес.
Ты – тот, кто весточку принес
О том, что прорвано кольцо.

Ты – возвращение домой.
Дитя Петра и Октября.
Ты – город, умерший не зря.
Ты – Ленинград.
Всегда живой.

⁴ С 20 ноября по 25 декабря 1941 года, в самый сложный период блокады, суточная норма хлеба, выдаваемого служащим, иждивенцам и детям до 12 лет, составляла 125 граммов.

⁵ Блокада Ленинграда длилась с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 года – всего 872 дня.

Поезда

Железные змеи стремительно-резвы:
Сто пачек людей проглотили за раз.
В них столько больных, исхудавших, нетрезвых
И где-нибудь пара местечек для нас.

В железных боках неживые глазницы,
И мы, зацепивши один одного,
Беззвучно глядим: что снаружи творится?
А там – ничего, ну совсем ничего,

Пока не влетаем в осеннее небо —
Как мост под колесами гулко дрожит!
Железная пасть завывает свирепю,
Речные пороги взрывают гранит.

Все липнут к окну, как принцесса в темнице:
Кого-то уносит надтреснутый лед,
Мотор сокращает железные мышцы,
Мгновенье в тоннеле – и снова вперед.

Крутые стволы и покатые крыши.
Как детский рисунок, пейзаж слегка груб:
На тонких квадратиках сельских домишек
Едва припорошены палочки труб.

Куда ты несешь, меня длинное чрево?
Пропущена станция, проспан перрон.
Я даже не помню, где право, где лево,
Который из центра последний вагон.

Я просто, наверно, сойду на конечной,
Как все сумасшедшие и смельчаки.
Нет, кожа и сталь не похожи, конечно,
Но да, исполин, мы твои двойники:

Минуя леса, океаны и горы,
Не зная, зачем, и не видя, куда,
Мы мчимся, пока не откажут моторы.
Мы, друг, поезда, поезда, поезда...

Пандора

Ille non vivit, qui in perpetuo mortis metu vivit.

Не живет тот, кто живет в постоянном страхе смерти (лат.)

Ты боишься заснуть, я – проснуться,
А кто-то – рыбного хрящика.
В темной комнате можно свихнуться.
Пандора, не открывай ящика.

Нас, героев, никто не вспомнит,
Ведь мы не были напророчены.
Мы стоим на порогах комнат —
Наших собственных, обесточенных,

Четко зная, что за порогом —
Лишь окно, занавеска, тумбочка,
Но отчаянно молим Бога:
«Боже, хоть бы не что-то худшее!»

Мы боимся, что канем в Лету,
Хотя лодки-то вот – готовые!
Нацепили бронежилеты,
Только целят не в грудь, а в голову.

Это замкнутый круг погони.
Чем ты, гонщик, смысленей бабочки?
Мы летим к ночнику и стонем,
Обнаружив костер – не лампочку.

Нам хотелось чуть-чуть свободы,
Но без риска и без шампанского,
Чтоб остаться в плену комфорта
Успокоенными, обласканными.

Замотай глаза скотчем, Фемида!
Наши души – арены пыльные.
Страх, Пандора – все та же коррида:
Либо он тебя, либо ты его.

Страх – клинок, вырастающий в латы,
Зелье силы для обессиленных.
Тот отвар наши предки когда-то
Сотворили. А мы – сварили бы?

Приручили б немного зверя,
Что навек бродит к нам привязанный?

Страх, Пандора, за каждой дверью —
Жив поверьями да рассказами.

А в груди – до истошного ора
Доведенный младенец корчится.
В темноте ничего нет, Пандора,
Но она никогда не кончится.

Глава 2. Тени

Нищие

Кто вырос, а мы – на привязи.
Как будто с какой-то примесью,
Как будто нас в детстве похитили
И сунули в этот шлак.

Совсем из другой обители
Забрали нас по родителям,
По женам, дорогам, кителям
Распихали бог знает как.

И вот мы, такие нищие,
С богатой духовной пищей,
Просроченные, прокисшие,
Среди пепелищ стоим.

И ветер нам треплет волосы,
Сощутив глаза раскосые.
Мы стали бы чьей-то помесью,
Мы можем. Но не хотим.

Нам мчаться бы через пустоши,
В земле и скитаньях по уши,
С призванием, но без поприща,
С любовью, но без цепи.

Вот только за этим – в очередь,
Где сладкою ложью потчуют:
«Когда-нибудь это кончится.
А ты пока просто спи».

Весна

Вот опять полегли мертвым грузом
Эти груды непрошенных слов,
И моя полудохлая муза
Истекает армадой стихов.

На войне, говорит, пригодятся —
И штампует один за другим.
Но не спеться уж мне, не сыгаться
С вдохновением ржавым моим.

Мою музу топтали и били,
Поносили и заживо жгли,
А я спал, пока где-то другие
Отскребали ее от земли.

Вроде силится, хочет подняться,
Раз – присыпали свежей землей.
Нам ведь, муза, уже не шестнадцать!
Нам ведь, муза, пора на покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.